

ОТ МОЛЧАНИЯ К ШЕПОТУ И ГОВОРЕНИЮ: О ПОЭТИЧЕСКИХ *LANGUE, LANGAGE* И *PAROLE**

О.И. Северская

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
ул. Волхонка, 18/2, Москва, Россия, 119019

На материале русской поэзии XVIII—XX вв. рассматривается метадискурсивное употребление лексем *молчание, шепот, говор*, символизирующие, соответственно, *langue, langage* и *parole* поэтической практики.

Ключевые слова: метадискурсивные слова, символы, триада Соссюра, русская поэзия, контент-анализ, лингвистическая поэтика.

Русскую поэзию на протяжении уже трех с лишним веков отличает неослабевающее внимание к тайнам творчества, к работе с языком. Это проявляется в обилии в текстах маркеров языковых и речевых феноменов, к которым относятся лексемы, так или иначе к ним отсылающие и активизирующие в поэтическом языке метаязыковую функцию: *язык, речь, слово, текст, молчание, говорение* и др. О «лингвоцентризме» чаще говорят применительно к современной поэзии [3; 5], однако он имеет глубокие корни. Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru — далее НКРЯ) предоставляет интересный материал, иллюстрирующий традицию использования элементов «коммуникативного дейксиса» (термин Н.К. Рябцевой, см.: [6. С. 90]), начавшуюся еще в XVIII в.

Особый интерес вызывает использование поэтами лексем *молчание, шепот, говор*, которые употребляются автореферентно и метадискурсивно, т.е., по Н.К. Рябцевой, являют собой «своего рода „имя собственное“ речевого действия, позволяющее идентифицировать и отграничивать его от сходных, смежных или „смешанных“» [6. С. 90]. Само лексическое значение метадискурсивных слов отсылает к некой коммуникативной ситуации: слово *голос* обозначает звучание голосовых связок при разговоре, пении и т.п., а также высказывание мнения, суждения; *говор* — звуки разговора, звучащую речь; *шепот* — тихую, почти беззвучную речь; *молчание* — отсутствие речи, разговора.

Молчание Н.Д. Арутюнова описывает как «нулевой речевой акт», отказ от речевых действий, которому предшествует говорение [1. С. 106]; при этом «происходит сдвиг со звуковой стороны речи на содержательную» [1. С. 113] и оказывается, что «содержание слито с молчанием как означаемое с нулевым означающим» [1. С. 115].

Если принять во внимание тезис Ф. де Соссюра о том, что язык возникает как производное от речи [8. С. 330], представляющее собой «склад акустических об-

---

* Все статьи, публикуемые в этом разделе, оформлены в соответствии с требованиями публикации в сборнике статей по материалам конференции, т.к. они по различным причинам не вошли в сборник.

разов», которые «суть реальности, имеющие местонахождение в мозгу» [8. С. 327], т.е. знаки воображаемых реальных звуков, не имеющих физического выражения, можно предположить, что лексема *молчание* идеально подходит для символического обозначения сосюрковского *langue*. Собственно, Н.Д. Арутюнова это подтверждает: «Разговор о молчании оборачивается разговором о языке вообще и о языке поэзии в частности» [1. С. 116]. Об этом свидетельствует и исследуемый материал, в котором *молчание* предстает как образ поэтического языка.

Молчание, хотя изредка и превращается в символ утраты дара поэтической речи (ср. у А. Мещевского: *Давно забыт я богом лиры; Молчание и чувств печать — Тебе мой отголосок сирый*; и у А.К. Толстого: *Моей отрадой было песнопенье, И в жертву ты, Господь, его избрал! Настаньте ж, дни молчания и муки! Прости, мой дар!*), все же в большинстве случаев ассоциируется поэтами с поэзией как таковой и присущими ей способами словесного выражения мысли (например, К. Бальмонт связывает воедино *молчание* и *горящий безмолвием стих*).

Почти сосюрковское понимание творческого молчания как вместилища акустических образов идет еще от М. Лермонтова, услышавшего *в молчании — звук мысли*.

Поэты, как правило, различают глубинный и поверхностный уровни, взаимопроницаемые и равнонаправленные — как *от молчания к слову*: *Из глубины молчания рождается Слово* (М. Волошин), так и *от слова к молчанию*: *Кинетесь к слову, кричите Верлэнами / И возвещаете сладость молчания* (К. Бальмонт); *Слово лишь намек роскошнейших молчаний, Дружелюбные читатели стихов* (А. Лозина-Лозинский). При этом, как представляется, они имеют в виду слово не столько звучащее, сколько принадлежащее языку, — слово как акустический образ, связывающий воображаемое означающее с означаемым, которое представлено денотативным и сигнификативным компонентами. Молчание символизирует нечто наглядно представимое в *молчании глаз* (Н. Гумилев) или *молчании очей* (А. Введенский) и при этом умопостигаемое, что воплощается в воображаемых звуках (Д. Кнут, к примеру, пишет о *музыке несслышанных молчаний*). Кроме того, молчание и символизируемые им слова конвенциональны и равнозначны для молчащего и его контрагента (ср. у К. Батюшкова: *Я видел, я читал В твоём молчании (...) Следы сердечного терзанья*).

На молчание указывается как на условие успешной поэтической коммуникации: *гласу лирному в молчании внимлите* (В. Майков), при этом подразумевается именно абстрагирование от поверхностного многообразного звучания, переход на собственно языковой уровень: *все голоса, звучащие так разны, / в молчание одно в душе должна я слить* (Е. Дмитриева).

С молчанием ассоциируются внутренняя речь и разговор без слов. Субъектом внутренней речи предстают чаще всего *душа*: *Молчать. Расстопить в молчании душу. Слушать* (Д. Кнут); и *сердце*: *Слушаю сердцем молчание (...) И тишина, тишина* (Ю. Терапиано). Достаточно часто в этом контексте *душа* называется посредником между человеческим языком и божественным глаголом: *Что наш язык земной пред дивною природой? (...) Горé душа летит, (...) И лишь молчание по-*

нятно говорит (В. Жуковский); *Прежде чем душа найдет возможность постигать и дерзнет припоминать, она должна соединиться с Безмолвным Глаголом, — и тогда для внутреннего слуха будет говорить Голос Молчания* (К. Бальмонт). Вместе с тем в большинстве случаев речь идет все же не о диалоге с внутренним голосом или высокими сферами, а о молчании как оболочке некоторой нематериальной субстанции, т.е. опять же нулевым знаке означаемого, которое при известных условиях может означаемое обрести: *И я молчание невольно оставляю И таинство души пред всеми объявляю* (А. Сумароков). В ситуации молчаливого разговора [1. С. 111] говорить начинают, прежде всего, чувства, в частности, в поэтическом подкорпусе НКРЯ множество примеров восприятия поэтами молчания как языка любви: от А. Дельвига до В. Брюсова, З. Гиппиус и А. Ахматовой. В этом молчаливый разговор похож на внутреннюю речь, внутренний диалог.

Но есть и примеры отсылки к молчанию как к нулевому речевому акту, производящему не меньший перлокутивный эффект, чем воплощенный в словах: *Он молчанием иль словом Бурю верно бы пресек!* (З. Гиппиус). Апеллируют поэты к молчанию как возможному сознательному отказу от коммуникации: *Спасительна молчания печать, — А мы все говорим и говорим* (А. Мариенгоф); *Молчание — ответ взывающим* (Ф. Сологуб). Такое молчание противоположно вынужденному — либо в силу отсутствия потенциального адресата: *Есть страшная преграда — Молчание. Нам некому сказать...* (Ф. Чернов), либо из-за его незаинтересованности в диалоге, невосприимчивости: *А немoty в вас, глухого молчания — Хватит с избытком...* (К. Случевский), а возможно, и невладения кодом, как в примере из Н. Асеева: *ужель не понял ты молчаний, / струящихся со стольких губ?*

Как можно было заметить, молчание поэтическое вбирает в себя модели речевых актов, а потому подразумевает потенциальное развертывание языка в речь: *Нет у нас больше молчания. В нас пробуждается лепет* (К. Фофанов); *молчание — не беззвучно, / шумы, иль тень их, все к одному* (З. Гиппиус). Если воспользоваться поэтическим определением И. Жданова, молчание — это *пазы отверстных голосов*, или, в терминах В.В. Виноградова [2. С. 90], формирующие *langue* «языковые круги, отличающиеся субъектными формами», сочетая которые в особые структуры, мы переходим в область *parole*.

Шумы, лепет и прочие прерывистые звуки, которые различаются русскими поэтами в контексте молчания, как представляется, являются отголосками речевой деятельности, которая, по Ф. де Соссюру, предполагает распространение звуковых волн от органов речи к органам слуха и формирование акустических образов, которые, соединяясь с понятием, превращаются в звукосмысловое единство, артикулируемое в речи [8. С. 323]. Среди слов, символизирующих слабо артикулированную речь, в поэтической практике особое место занимает лексема *шепот*, которая может быть ассоциирована с *langage*, поскольку шепот занимает промежуточное положение между молчанием и артикулированным говорением.

Связь шепота с творчеством начинает декларироваться русской поэзией с начала XX в. Прежде всего, творческим называется *шепот тишины: Язык безмолвия!*

Как внятен шепот твой! (Г. Голохвастов), шепот нащупывается в языке: Ты жаждешь языком нащупать шепот В горячей сладостной слюне слова... (Б. Божнев). С одной стороны, поэтам свойственно настраивать лиру по шепотам: От тебя у меня, шепот-тот-шип — Лира, лира, лебединый загиб! (М. Цветаева), с другой — слышать шепоты лир: Я вижу искаженный мир, я слышу шепот заглушенных лир (А. Введенский), и иных голосов, приводя их к одному «знаменателю»: Неузнанных и пленных голосов Мне чудятся и жалобы и стоны, Сужается какой-то тайный круг, Но в этой бездне шепотов и звонов Встает один, все победивший звук (А. Ахматова). Интересно, что современными поэтами прямо декларируется связь шепота и молчания, обретающего субъектные формы: Мы молча в шепот сходим / и там себя находим (И. Жданов).

«Речь возникает исключительно благодаря голосу», — подчеркивает Г.Е. Крейдлин [4. С. 145]. Голос и в русской поэзии манифестирует речь, о чем говорят такие словосочетания, как *голос молвы разноречивой*, *голос многоязычья*, *голос Слова*. Достаточно много в поэтическом подкорпусе НКРЯ примеров, в которых голос ассоциируется с тем или иным способом творческого использования языка: в русской поэзии звучат *голоса* конкретных мастеров слова — *Пушкина*, *Некрасова*, *Сафо*, а также *безымянного автора*, *Музы (муз)*, *лиры* и *ее струн*, *рифм* — воплощенных в словах созвучий. Очень часто раздаются *голоса* всевозможных музыкальных инструментов — *скрипки*, *свири*, *флейты*, *кларнетов*, *фагота*, *рога*, *трубы*, *волынки*, *шарманки*, *гармоники*. Преобладание в этом списке духовых инструментов, звук из которых извлекается с помощью губ, представляется не случайным, как и сама «инструментальная» метафора: «Пользуясь голосом как *инструментом* (курсив мой. — О.С.), мы легко выделяем в речевом потоке нужные нам смыслы, слова и более крупные единицы», — уточняет Г.Е. Крейдлин [4. С. 150]. Поскольку в самом значении лексемы *голос* присутствует компонент «мнение, суждение, высказывание», поэтические *голоса* манифестируют и речевые акты.

Еще одно проявление речи — говор — представлено в русской поэзии в словоупотреблениях, отражающих все три компонента словарного значения соответствующей лексемы: «звуки разговора, речи», «особенности речи», «разновидность речи». Как и голос, говор соотносится с уже упоминавшимися «языковыми кругами, отличающимися субъектными формами».

Если с *молчанием* связываются преимущественно классы субъектов (*вся природа*, а также земля и разные формы земного пространства — *степь*, *поля*, *лес(а)*, *сады*, океан земной и воздушный — *воды*, *небеса*), то *голосом* и *говором* (наряду с природой как таковой) наделяются уже конкретные «субъекты речи». Ими обладают в растительном мире *леса*, *ветви деревьев* и *кустарников*, *растения* (например, *лилея*, *шиповник*), в животном — *птицы* (*иволга*, *дрозд*, *кукушка*, *синица*, *соловей*, *петух*), *скоты* и *звери* (*пес*, *олень*), *насекомые* (*цикады*, *кузнечики*). Различаются *голоса земли*, *камней*, *пустынь*, *моря (морей)*, *залива*, *рек*, *ручьев*, *воздуха*, *ветра*, *грозы*, *грома*, *луны* и *планет*. Множество *голосов* выделяется в религиозно-мистическом поле: это *голоса молитвы* и *церквей*, *пророка*, *ангела*, *Бога*, *Господа*,

Мадонны, птицы райской, веры/неверья, а также голоса времени и истории (конкретно: набегов, кочевий, становий, старины, прошлого, будущих судьбин), Вечности (века), голоса мира иного — Смерти, умерших, ночи (ночных стихий, ночные), тьмы, сна. В мире человека звучат голоса памяти, рассудка, совести, надежды, любви, дружбы, измен, тревоги, горя, муки, страдания (прежде всего как проявления внутренней речи). Такую же разветвленную субъектную структуру имеют и шепоты [7].

Это закономерно: и речь (*parole*), и речевую деятельность (*language*), с которыми соотносятся слова-образы *голос, говор* и *шепот*, отличают, по формулировке Ф. де Соссюра (1960), индивидуальное и каждый раз новое употребление языка, индивидуальное использование языкового кодекса в создании словесных комбинаций.

Сервер НКРЯ дает и интересные статистические данные: в поэтическом подкорпусе *шепот* встречается чаще, чем *говор* и *молчание* (зарегистрировано, соответственно, 771, 559 и 476 словоупотреблений), поэты больше внимания уделяют переходу от отсутствия коммуникации к ее осуществлению, прослеживая каждый этап (ср. у Е. Баратынского: *Сначала важное молчанье / Толпа хранила; но потом / Возникло томное жужжанье: / Оно росло, росло, росло / И в шумный говор перешло*). В основном корпусе превалирует *молчание* (13 702 употребления), потом идет *шепот* (11 219), наименее частотен *говор* (3341). При этом как в основном корпусе, так и в его поэтическом подкорпусе самым частотным является глагол *говорить* (почти полмиллиона употреблений зарегистрировано в основном, 10 442 — в поэтическом), отсылающий как к языку, так и к речевой деятельности и речи и потенциально — к молчанию (можно *говорить без слов*) и к шепоту (можно *говорить шепотом, почти беззвучно* и т.п.). Это, безусловно, объясняется синкретизмом его значения [9. С. 93—94], в котором словари в большинстве своем выделяют компоненты 'владеть языком, обладать способностью к речи' и 'пользоваться, владеть устной речью, выражать в словах и вызывать какие-либо мысли, чувства и т.п., вести разговор, беседу'.

Таким образом, триединство *молчания — шепота — голоса (говора)* действительно может рассматриваться как поэтическая метафора соссюровской триады *langue — langage — parole*, причем не в «плоскостном» ее варианте, а с виноградским «умножением» на особенности словесного мышления, отличающие каждый ее компонент. «Субъектным» формам каждого из трех уровней соответствуют знаки внешнего мира, подвергающегося поэтическому преобразованию, и воплощения их в воображении и поэтическом мышлении, к которым обращаются поэты, объективируя свое внутреннее знания в формах словесного выражения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Арутюнова Н.Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994. С. 106—117.
- [2] Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1980.
- [3] Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000.

- [4] Крейдлин Г.Е. Голос, голосовые признаки и оценка речи // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994. С. 141—153.
- [5] Николина Н.А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. М., 2009.
- [6] Рябцева Н.К. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994. С. 82—92.
- [7] Северская О.И. «Шепот, робкое дыханье...»: лексема *шепот* в русской поэзии XVIII—XX вв. // Корпусный анализ русского стиха. Сборник научных статей. Вып. 2 / Отв. ред. В.А. Плунгян, Л.Л. Шестакова. М., 2014.
- [8] Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть 1. М., 1960. С. 323—342.
- [9] Телия В.Н. «Говорить» в зеркале обиходного сознания // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994. С. 93—98.

FROM SILENCE TO MURMUR AND SPEAKING: ON POETIC *LANGUE*, *LANGAGE* AND *PAROLE*

O.I. Severskaya

Vinogradov Institute of Russian Language,
Russian Academy of Sciences
Volkhonka str., 18/2, Moscow, Russia, 119019

On the material of Russian poetry of the XVIII—XX centuries the author considers the usage of meta-discursive lexical items *silence*, *murmur*, *talk*, symbolizing *langue*, *langage* and *parole* of poetic practice.

Key words: metadiscursive words, symbols, Saussure's triad, Russian poetry, content analysis, linguistic poetics.